

ПЛЮШЕВАЯ

ЗАНОЗА

16+

Екатерина Коровина

Екатерина Коровина

Плюшевая заноза

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Коровина Е.

Плюшевая заноза / Е. Коровина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

«Мишке же больно!» Знакомая фраза? А что если этот «мишка» Вы и играют с Вами? Легкое чтение о нелегкой жизни детских игрушек, внутри которых по решению Небесного суда отбывают свое заключение человеческие души. Герои этой книги даже представить себе не могли, что однажды им придется на собственной шкуре испытать все прелести детских игр. А ведь во время этой «игрушечной жизни» им еще предстоит разобраться в себе, меняясь к лучшему, чтобы получить шанс вновь стать обычными людьми... Ну что, поиграем?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

ГЛАВА 1

– Черт, как же неудобно! Пятки лежат на собственных плечах, голова где-то между ног болтается, да еще и нос упирается в пакет – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Ну и что, что мне воздух не нужен!? Привычка-то осталась...

Мысли посещали мою плюшевую голову самые разные, но ни одной светлой там не наблюдалось. Вот вообще. Как будто все разом встали и вышли подышать свежим воздухом. Ну, или покурить... Эх, сейчас бы сигаретку! Нервы успокоить. Только не плюшевую! Хватит с меня «плюша» на сегодня.

Знал бы я, что все будет так. Что после смерти меня ждет не рай (на что я, конечно, не надеялся), не ад (хотя, признаться, и о нем я тоже при жизни не очень-то думал), а ЭТО! Кому вообще в голову могло прийти переселять души в игрушки?! Видите ли, чтобы душа перевоспиталась, прежде, чем перейти в другое тело. Тьфу ты! Нечего меня перевоспитывать! Мне и так хорошо было. Жил же как-то! Хоть и недолго. И зачем только оказывал сопротивление полицейским? Ведь понимал, что шансов нет. Нет же, решил, что пронесет, как пронесило до этого три десятка лет. Еще почти 5 лет «до» моей привычной жизни, дома, с родителями – не в счет. Если бы они тогда не погибли, кто знает, кем бы я стал. Может, был бы сейчас менеджером среднего звена в каком-нибудь офисе, копался в бумагах, прогибался под начальство, ухаживал бы за какой-нибудь симпатичной коллегой, а по выходным встречался с друзьями в баре. Ну, или что там делают «нормальные люди» в этой своей «нормальной» жизни?

Мы ехали уже довольно долго. По ощущениям час или около того. То и дело останавливались, что наводило на мысль, что впереди была «пробка». Вокруг сигналили машины и ругались водители. Из динамиков лилась какая-то попсовая музыка, которую я принципиально никогда не слушал. Не люблю быть «как все». Водитель же, напротив, весьма охотно подпевал неизвестной мне группе. Кто-нибудь, отрежьте мне уши! Да ему не просто медведь на оба уха наступил, а танцевал там самбу вместе со всеми своими сородичами! Это не честно – не иметь возможности выключить этого воДятла вместе с его радио! Кошма-а-ар! Если эта попытка и есть часть моего перевоспитания, то я ее достойно выдержал. Всем спасибо. Верните меня обратно на небо, и я обещаю в следующей жизни хорошо себя вести! Лучше бы в ад, честное слово!

Наконец радио умолкло, и автомобиль остановился. Ура! Долгожданная тишина... Но мое счастье было недолгим.

Две руки подхватили меня под попу (был бы «живой», не раздумывая, врезал бы этому извращенцу с левой) и понесли в неизвестном направлении. Я почувствовал себя преступником, которого ведут на казнь с мешком на голове. Правда, не ведут, а несут, и не с мешком, а с пакетом. Подарочным пакетом, в который меня упаковали в магазине. Как же нелепо это звучит! Абсурдно, я бы сказал! Я, взрослый мужчина, заточен в этом плюшевом теле (еще бы знать, как я выгляжу), как в тюрьме. Да это хуже тюрьмы! Хотел бы я посмотреть в глаза тому, кто придумал это изощренное переселение душ без согласия хозяина. Небесный суд... Приговор обжалованию не подлежит... Привести в исполнение в зале суда... Между прочим мне адвокат был положен! И последнее слово! У нас, на Земле – и то законы гуманнее.

Тем временем дверь скрипнула, и меня внесли в какое-то помещение, подозреваю, что в дом. Я очень надеялся, что меня подарят какой-нибудь хорошенькой девушке. И она будет брать меня с собой в кровать по ночам... и прижиматься ко мне своим стройным молодым телом... и мы будем спать в обнимку... Ммм...

– Ричард, дорогой! Подойди сюда! – произнес мужчина, который купил меня.

В этот момент раздался оглушительный детский визг, полный счастья, и топот маленьких ножек.

Стоп! Детский? Ричард? Не-е-е-т! Нет, нет, нет, нет, нет! Только не ребенок! Ненавижу детей! Эй, вы там, наверху, слышите?! Это уже чересчур!

– Сынок, ты у меня уже совсем большой! Тебе сегодня исполнилось 5 лет. Я так тебя люблю и очень тобой горжусь! Это – тебе...

Кажется, в той, очень далекой жизни меня тоже любили родители. И я был точно такой, как этот Ричард, когда их не стало. Как мне тогда не хватало таких слов!

Упаковочная бумага зашелестела, расплзлась в стороны, впуская свет, воздух и позволяя увидеть окружающий мир. Малыш взял меня на руки и поцеловал в нос.

Фу! Не люблю эти нежности! Спасибо, хоть расправил затекшего «всего меня»! Вас бы так в пакете сложить пополам!

– Спасибо, папочка! – мальчуган кинулся обнимать своего отца, не выпуская меня из рук. Был бы я «живой» (вот же ж! я живее всех живых, только этого никто не видит), точно задохнулся бы в таких объятиях. – Он такой красивый!

– Да, я всегда был красавчиком! – не без удовольствия подметил я.

Пока малыш показывал меня привлекательной женщине, видимо, маме, я успел осмотреться.

Входная дверь из темного дерева резко контрастировала со светлыми стенами и огромными панорамными окнами, на которых висели бежевые занавески. Вообще вся гостиная была выполнена в кремово-бежевых тонах. Мягкий диван расположился в центре комнаты, рядом на трех витиеватых ножках, покрашенных под старину, стоял журнальный столик, на котором лежало несколько книг и журналов. Напротив дивана в стене был огромный камин, обрамленный белой лепниной. Сейчас в нем не было ни огня, ни дров, но уверен, что долгие зимние вечера, проводимые около него в кругу семьи, были более, чем уютными. Ноги главы семейства утопали в пушистом светлом ковре. Если бы не его правильная овальная форма, я бы решил, что это шкура медведя. В углу стояла красивая белая многоярусная подставка с цветами в разноцветных горшках, что являлось ярким акцентом в этой «спокойной» комнате. Цвет же входной двери перекликался с огромными темными подоконниками, на которых можно было расположиться за чтением книг, и перилами лестницы, уходящей на второй этаж.

С трудом удерживая плюшевого меня в своих маленьких ручках, Ричард побежал в свою комнату по этой самой лестнице.

Хрясь! Хрясь! Хрясь!

– Ай, как больно! Неужели нельзя поднять меня повыше, чтобы я не бился ногами о каждую ступеньку! Не куклу же несешь! – хотелось отчитать его. – А, нет, кажись, куклу. Ну, почти. Как же к этому привыкнуть?

Пыхтя, мальчишка занес меня в детскую и усадил на кровать. Учítывая, сколько места на кровати я занял, я был не маленьким. А, ну теперь объяснимо, почему у меня отбиты все ноги! Если бы они не были покрыты шерстью, точно были бы синие.

...Эта комната ожидаемо была серо-голубая. Окно выходило на задний двор с бассейном и зоной барбекю. За окном был полдень. Солнце стояло в зените, разогревая воздух до каких-то нереальных температур. Окажешься в такое пекло на открытом пространстве, превратишься в сухофрукт минут за тридцать. Люди это понимали, поэтому обычно сидели под защитой крыш собственных домов до самого вечера, пока перспектива подышать тягучим раскаленным воздухом не переставала быть такой угрожающе-реальной. Хотя, до комфортных температур воздух не остывал даже ночью, отчего сплит-системы в помещениях работали на износ.

В моем плюшевом существовании всплыли положительные моменты. Например, мне не надо было вдыхать эту горячую смесь газов. И то не плохо. Надо будет еще эти самые «моменты» поискать. По-любому найдутся более убедительные доводы, опровергающие мою теорию о том, что в аду было бы лучше.

Вынырнув из своих мыслей, я решил оглядеть свое новое жилище. Стены детской комнаты украшали обои, на которых маячили какие-то супер-герои. В углу стоял столик для рисования. Это было понятно по куче карандашей и размалеванных листочков. Рядом – довольно большое количество машинок, деталей конструкторов, кубиков, роботов и прочих игрушек. Я заинтересованно посмотрел на них и задумался: а есть ли в этой коллекции другие жертвы «перевоспитания душ»? Но как бы меня не волновал этот вопрос, я решил отложить свое расследование на «потом». Детская кровать в виде машины располагалась по левую стену от двери, а на противоположной стене висело небольшое зеркало.

О, зеркало! Я приготовился увидеть свое «тело».

– Что-о-о? – была б у меня челюсть, она бы валялась на полу. – Кто-о-о? Медведь?! Большой плюшевый медведь?! Вы серьезно? Меня – в медведя? – чем дальше, тем меньше у меня оставалось веры в здравомыслие моих «судей». – М.Е.Д.В.Е.Д.Ь. Нет, ну что за банальщина! Так, Том, дыши! Выдыхай. Придется смириться. Надо поискать плюсы. Так... Я действительно красив. Большие глаза шоколадного цвета. Бантик на шее. Очаровательная улыбка. Длинная, густая желто-коричневая шесть. Блин, и это меня должно успокоить? Ни-фи-га! Я – плюшевый медведь. И этим все сказано.

Хуже быть уже не может! – решил я.

Но как же я ошибался!

* * *

– Ви-и-у-у-у... Бдыщщ! – Ричард озвучил полет своего солдатика, и это было последнее, что я услышал перед вспышкой боли.

Солдат врзался мне поддых, отчего весь воображаемый воздух разом покинул мои воображаемые легкие. Перед глазами заплясали разноцветные искорки. Мой взгляд снова сфокусировался секунды через три, но лишь для того, чтобы заметить, как эта пластмассовая игрушка летит мне в голову. И ведь ни увернуться, ни блок выставить. Почему-то именно сейчас, на какую-то долю секунды, в памяти всплыло, как я, будучи подростком, любил со своими (хм... друзьями? товарищами?) единомышленниками прессовать более беззащитных мальчишек, которые так же либо не могли уйти в сторону от удара, потому как не хватало сноровки или удары сыпались одновременно со всех сторон, либо просто терялись, понимая, что против толпы грозных парней шансов выстоять нет. Вот и терпели нападки, побои, унижения. Молча, покорно принимая свою судьбу, даже не пытаюсь бежать. Потому что все знали: догоним – хуже будет. Тогда я даже не задумывался: каково это – быть беззащитным? Мы упивались силой, подпитывая свою энергетику эмоциями этих «ботаников», эмоциями страха и ужаса. И уж точно я не думал, что когда-то окажусь на их месте. Нет, страха я не чувствовал, но вот злоба меня очень даже переполняла. Злоба на ситуацию в целом. Я же не хозяин своему телу, даже руки, тьфу, лапы поднять не могу.

Мысли мои оборвались третьим ударом в ухо, от которого я беспомощно, как мешок, свалился на пол.

– Ура! Победа! Враг повержен! – озвучивал мальчишка своего героя. – Мир может спать спокойно.

– Да уж. Вопрос: смогу ли теперь спать спокойно я?

Тело ломило от побоев, ощущение было, что по мне танк проехал. Но что это за странное чувство в душе? Это как... стыд? Мне стыдно за наши юношеские забавы? Ну да, это было не очень честно. Трое на одного. Нет, не так. Трое сильных парней, с многолетним опытом в драках, на одного шупленького подростка с многолетним опытом в чтении книг и прятании за маминой юбкой. Как-то... несправедливо, что ли? Ой, все! Хорошо! Что-то я раскис. Соберись, тряпка!

Я все так же лежал на полу, уткнувшись в него носом, и разглядывая ковер с узором из дорог и домиков. Обычный такой детский коврик, на котором весело играть в машинки.

И в это мгновение я почувствовал, как ломается мой несуществующий позвоночник. Честное слово, я даже слышал это «хррррус!»». Ричард с каким-то воинственным кличем с разбега прыгнул мне на спину, взял меня в захват и применил удушающий. Горло сдавило так, что я был готов провалиться в обморок с последующей комой. Но хватка ослабла, секунда, и моя лапа уже вывернута в болевом приеме.

– Твою ж мать! Как больно! – мне хотелось выть, орать, материться и лезть на стену. Но я ничего не мог. Не мог даже похлопать ладонью по полу, прося пощады. Оставалось лежать и кричать в пустоту. Сколько это продлилось, не знаю. Может, пару секунд, а, может, час. Но когда меня отпустили, я чувствовал себя, мягко говоря, «не очень». Там, где должен быть позвоночник, боль растекалась раскаленной лавой, на скуле ощущался синяк размером с голову ребенка, рука-лапа висела как не родная, при этом не забывая посылать импульсы боли в мой плюшевый мозг. Кажется, ни одна драка в моей, теперь уже прошлой, жизни так плачевно для меня не заканчивалась. Битым был, и не раз, но чтоб так... Вдвойне (нет!), вдесятерне унизителен тот факт, что меня избил пятилетний сорванец! Хорошо, что никто не видел моего позора.

Мальчишка поднял меня и усадил на пол около кровати. Рядом валялся уже успевший надоесть солдат. Хотел бы я оказаться на его месте!

В руках Ричарда я с ужасом увидел самолетик и понял, что убивать меня сегодня будут очень долго...

– Малыш, спустись вниз. Бабушка с дедушкой сейчас приедут.

Мальчишка откинул самолет в сторону, бросил беглый взгляд на нас с солдатиком и скрылся в дверном проеме. Фух! Спасибо тебе, великая женщина, что спасла меня от своего сына! Можно он не вернется в эту комнату?

– Прошу прощения! Я не хотел Вас бить.

Кто здесь?! Неуверенный голосок донесся откуда-то снизу-слева, и я даже не сразу понял, кому он принадлежит. Но вариант был только один. Солдат.

– Ты что, «живой»? – спросил я, слегка опешив.

– Ну, живой – это сильно сказано. Скорее, «условно живой». То есть все чувствую, но двигаться не могу. Да и слышать меня люди не могут, только такие же, как я, «переселенцы».

– Так ты тоже жертва этих... воспитателей? – я мысленно сжал в ярости кулаки.

– У тебя есть иные версии? – солдатик вяло усмехнулся. – «Приговор обжалованию не подлежит...»

– Да уж, знакомая фразочка!

– В прошлой жизни я был очень осторожным и лишний раз никуда не высовывался. Любил быть в тени, так сказать. Плыл по течению, одна только мысль о принятии какого бы то ни было важного решения вгоняла в ступор. Можно сказать, прожил жизнь впустую. Вот Они, – наверно, если бы он мог шевелить пальцами, он бы указал вверх, – и решили, что я должен научиться быть лидером, бесстрашным и ответственным, упрятав меня в солдата. Прямо ирония судьбы какая-то! Кстати, меня зовут Джон. А ты за какие заслуги сюда попал?

– Пол, – представился я и вдруг задумался: а, правда, что захотели во мне изменить? Что я должен понять? И еще интереснее, почему Они выбрали для вместилища моей души плюшевого медведя? Джон вон солдатик из пластмассы, а я – мимимишное мягкотелое животное. Аж обидно как-то стало.

– Ну, ладно, не хочешь – не говори. Потом как-нибудь расскажешь. Мы тут надолго застряли, – голос Джона казался спокойным и невозмутимым. Видимо, задатки лидера в нем пока еще спали крепким сном.

– Я... я просто задумался. Как давно ты тут? – я очень боялся услышать его ответ, но мне же надо было понимать, чего ждать.

– Полгода, – волосы на моей голове зашевелились. – Меня подарили Ричарду на Рождество. Стоит ли говорить, что для меня это было самое ужасное Рождество в жизни?

Я вспомнил, как еще минут десять назад на мне отрабатывали приемы и захотел потереть ладонью все еще пульсирующие от боли места.

– И ты до сих пор цел? – попытка скрыть удивление в голосе с треском провалилась.

– Клей – незаменимая вещь! Я бы сказал, жизненно необходимая, учитывая собственный опыт. Если бы не он, я бы давно валялся на свалке, или и того хуже – был бы использован как вторсырье. Бррр! Даже думать страшно. У меня склеена правая рука в двух местах, правая нога склеена дважды в одном месте, голова тоже держится на плечах исключительно благодаря клею. Мне повезло, что мальчишка меня полюбил, вот и просит каждый раз отца починить мое тело. Выбрасывать не хочет, хотя отец не раз предлагал купить ему нового.

Тут волосы у меня зашевелились не только на голове. Благо, весь покрыт шерстью. Перспектива быть выброшенным меня мало радовала. Моя задача – как можно скорее «усвоить урок» и переродиться. Пора становиться хорошим мальчиком. Иначе ничего хорошего меня не ждет.

– Не завидую я тебе, Джон, – после некоторого молчания отозвался я.

Тот лишь улыбнулся. Или мне показалось? Улыбаться-то мы тоже не могли. Но меня определенно обрадовал тот факт, что тут есть еще кто-то, кроме меня. Значит, со скуки умереть мне не дадут. И тут до меня дошло:

– А «переселенцев» тут много?

– Только ты, да я, да мы с тобой, – весело ответил мой «коллега». – Было еще двое. Но одна исчезла из своего тела, видимо, перевоспитание прошло успешно. Вон, видишь, дракон валяется. А второго в теле Супермена Ричард выменял у друга на «бездушную» машинку.

Я перевел взгляд на кучу игрушек и нашел там дракона. Золотисто-зеленый, с гребнем через всю спину, изумрудными глазами и огромными крыльями. Да, красивый, ничего не скажешь. Интересно, что должна была вытворить женщина в прошлой жизни, чтобы ее душу поместили в дракона? Спрашивать об этом Джона я не стал, это не его история. Но стало как-то жалко, что здесь была женская душа, а я ее не застал. Было бы намного веселее.

На этом наш разговор с Джоном прервался. Я погрузился в свои мысли, а мой приятель по несчастью не стал лезть ко мне с разговорами, за что я ему был крайне благодарен. Мне необходимо было переварить произошедшее со мной за полдня.

И тут, разрывая тишину в клочья, снизу донесся восторженный возглас Ричарда. Приехали бабушка и дедушка. И, скорее всего, наши ряды ждало пополнение. Интересно только: подарок «живой» или нет?

ГЛАВА 2

Минут через двадцать в комнату ураганом ворвался Ричард, держа в руках пушистого зайца и автобота Бамблби. Мягкую игрушку он усадил на свою кровать (это что, ритуал у него – посвящение в «свои» игрушки?) и нажал на живот. Заяц мультяшным голосом выдал: «Я тебя люблю!». Ричард широко улыбнулся и еще раз ткнул пальцем в спрятанную под мягким слоем ткани кнопку. А потом еще раз. И еще... раз десять.

– Нет, ну когда-то же он должен наиграться! – подумалось мне. – Не будет же он до утра так сидеть.

Я оказался прав. И уже минуты через две пытка для зайца была окончена. Настала очередь трансформера. С виду обычная машинка, но стоило малышу провести над ней раскрытой ладонью, как она поднималась, превращаясь в робота. Эх, мне бы такую игрушку в детстве! Все бы обзавидовались. Да что там! Я бы и сейчас с такой поиграл, если бы только мог. А, правда, ну вот что мне мешало купить себе такого автобота? Деньги были, магазин игрушек находился через два квартала от моего дома. А вот чего не было, так это желания. Желания радовать себя, развиваться как личность, добиваться чего-то в жизни. Просто никто в детстве не говорил мне, что так можно. Моей тетке было совсем не до меня. Ее интересовали только деньги, которые она получала за то, что взяла надо мной опеку после смерти моих родителей. Ах, да, еще мужики. Поначалу я даже честно пытался запоминать их имена. Но примерно через пару месяцев отказался от этой идеи, потому как за это время их сменилось штук пять. Кому-то я нравился, кто-то уравнивал меня в правах с кухонным стулом, а кто-то и вовсе мог оскорбить или поднять руку. Тетка не препятствовала этому. Кажется, ей было важно лишь одно: чтобы меня не убили, потому как в этом случае все выплаты прекратятся.

Я же все свое детство перебивался тем, что отнимал у других детей карманные деньги. Лет с шести начал таскать из магазинов еду. Чуть повзрослев, научился незаметно вытаскивать у людей кошельки, продолжая «прессовать» со своей «бандой» сверстников и тех, кто помладше. Мы забирали у них часы, телефоны, гаджеты, пару раз даже забирали кроссовки – такие новые, фирменные, Nike, кажется. В двадцать лет я впервые вскрыл машину. В ход пошли магнитолы, колонки, навигаторы, ноутбуки и все, что хозяева могли оставить в своем автомобиле. Деньги были! А еще были серьезные проблемы с законом. Сколько раз мы уходили от полиции, даже сосчитать не берусь. В тридцать четыре я отважился на серьезное дело – ограбление ювелирки. С моими поделниками мы досконально изучили карту города, продумали все маршруты отступления, в том числе план В, С и D. Но что-то пошло не так. Мой мозг меня подвел, и я свернул налево раньше, чем понял, что надо было свернуть направо. Впереди виднелся тупик, а на хвосте висела патрульная машина. Перспектива быть взятым с поличным мало радовала, поэтому пришлось отстреливаться, оставаясь при этом открытой мишенью. Знал, чем все кончится. Сглупил. Это я сейчас понимаю, а тогда... Не знаю, чем я думал в ту минуту. Но для меня кончилось все очень быстро. Захотел сытой жизни, дурак! Тьфу ты!

– Том! Том, ты тут? – Джон довольно настойчиво звал меня по имени.

– Да тут я, тут! Что случилось?

– Просто я уже минуту пытаюсь дозваться тебя, а ты не реагируешь. Я уж было решил, что ты за полдня умудрился перевоспитаться и отбыл, так сказать, наверх.

– Я задумался немного, – ответил я, чуть помедлив. До меня не сразу дошло, что Ричарда в комнате нет, как и нет машинки-трансформера. Видимо, забрал с собой. – А где мальчишка? – поинтересовался я.

– Да его позвали за праздничный стол. Схватил свою новую игрушку и умчался. Можем пока немного расслабиться.

Да уж, действительно, такие моменты – на вес золота. Можно даже вздремнуть. Жаль, что я до сих пор сижу на жестком полу. Кровать была бы весьма кстати. Стоп! На кровати сидит еще один «новичок». Небольшой такой заяц с длинной розовой шерсткой, глазами-бусинами и одним загнутым ухом. И кто додумался подарить пацану розовую мягкую игрушку? Если выбирать между бабушкой и дедушкой, то, видимо, бабушка. Хотя, может и дед. Вдруг у него склероз и он забыл, что у него внук, а не внучка.

– Заяц! Эй, заяц! Ты слышишь меня? – почему-то шепотом спросил я.

Тишина.

А вдруг он не знает, что он – заяц? Я же вот тоже не знал, что я – медведь, пока не увидел себя в зеркале. Как бы его...

– Эй, новенький! Не бойся нас! Мы не кусаемся. Тебя тоже подсадили в игрушку?

– Не пытайся, – с горечью в голосе ответил Джон. – Он – «пустышка». Я уже пытался с ним говорить, пока ты в облаках витал. Подождем, когда Ричард принесет трансформера. Может, нас скоро станет трое.

– Обычно так сообщают о беременности... Джо-о-он, ты мне все о себе рассказал?

Мы одновременно прыснули со смеху. Давно я так не смеялся, душевно, непринужденно. Мог бы плакать, наверно, плакал бы, впервые в жизни от положительных эмоций. С трудом подавив этот, перерастающий в истерику, смех, вздохнул. Весь груз эмоций этого тяжелого дня схлынул, и стало как-то очень легко. Может, так и должно быть с настоящими друзьями, в настоящей семье? Я не знал этого. Но это чувство мне определенно нравилось. Надо бы запомнить его.

* * *

Ричард вернулся в комнату незадолго до сна. Перетащил в угол все игрушки, включая меня, Джона, зайца и трансформера, расправил кровать и залез под одеяло. Минут через пять в комнату вошла мама. Красивая женщина с шикарным телом: пышные бедра, тонкая талия и упругая высокая грудь. Даже домашний костюм не смог скрыть этого «богатства». Милое, в чем-то даже ангельское лицо с огромными зелеными глазами, пухлыми чувственными губами и чуть вздернутым носиком, окруженное копной густых каштановых волос, должно было сводить с ума всех мужчин в радиусе ста метров. Возможно, так и было. Лично я бы на ней женился.

В этот момент я поймал себя на мысли, что впервые в своей жизни задумался о собственной семье. Раньше мне это казалось пережитком общества, навязанной ценностью, а лично мной всегда воспринималось как обуза. Но сегодня что-то во мне надломилось. Я с замиранием сердца смотрел, как женщина села на краешек кровати, открыла толстую книгу и начала читать сказку сыну.

Нежный голос полился по комнате, лаская мой слух нежным бархатом. Я готов был слушать ее вечно. Любую сказку, любой бред, любой набор слов. Этот голос успокаивал и баюкал.

Тетка никогда не читала мне книг, а родителей я не помню. После их смерти у меня не было детства, и сейчас я очень завидовал Ричарду. Завидовал так, как никогда и никому. До слез. Вот только плакать, будучи медведем, я не мог. Но душа плакала. И, когда последние отзвуки маминого голоса, медленно кружась, растворились в воздухе, я провалился в долгожданный сон.

* * *

Проснулся я на рассвете от оглушительного женского визга. Оглядевшись и встретившись взглядом с Джоном, понял, что слышу его не я один. Истерил... заяц! Натурально так,

с душой, кроя матом всех и вся, включая праправнуков всех небесных судей и иже с ними всю небесную канцелярию. Никогда не слышал, чтобы девушки так матерились. В том, что это была девушка, я ни секунды не сомневался – только у них бывают такие звонкие голоса. Ну, зато теперь пазл сложился: женские души подседают в розовых зайцев, а мужские – в роботов, солдатиков и медведей. И на том спасибо! Интересно, а бывали ли случаи, когда, скажем, в куклу Барби переселяли душу какого-нибудь мужлана, чтобы он прочувствовал на себе все прелести «быть бабой»? С этой точки зрения медведь меня вполне устраивал.

Визг, временами переходящий в крик, а затем в хрип, перемежающийся со всевозможными ругательствами и сравнениями все не утихал. Очень хотелось ее вырубить. Спасало эту истеричку даже не то, что девочек не бьют, а исключительно моя невозможность двигаться. Очевидно, солдат разделял мою точку зрения, потому как в двухсекундном перерыве между тирадами зайца, пока та придумывала оскорбление поизощреннее, выдал:

– Кто-нибудь, выкиньте ее в окно!

Я почувствовал, как испепеляющий взгляд переместился сначала на меня, а затем на Джона, определив в нем источник голоса. Под таким взглядом мы должны были немедленно превратиться в горстку пепла и саморазветаться. Гнев во взгляде зайца медленно сменялся ужасом, а затем она, набрав полные несуществующие легкие воздуха, вновь заорала:

– А-а-а-а! Ы-ы-ы! Игрушки говорят! Они говорят со мной! А-а-а! Все, с меня хватит! Это уже не смешно!

– Да тут как бы никто и не смеется. Последний раз прошу: закрой свой милый ротик, ЗАЯ! – последнее слово я специально выделил, чтобы привести это мохнатое недоразумение в чувства.

Результат долго себя ждать не заставил. Девушка онемела на несколько долгих тихих секунд, а потом начала говорить сама с собой:

– Нет, дорогая, это все не правда. Это... глюк! Точно, это же глюк! Говорила я Кэтрин, что не хочу пить незнакомые таблетки, да еще и без названия, которые она нашла у старшего брата. Но моя голова... Болела? Очень болела! Поэтому и выбора у меня не было. Может, надо было не три таблетки выпить, а одну? Но мы же в клуб опаздывали! Эффект нужен был срочно. Я не виновата, что у них такое жесткое побочное действие. Надо будет спросить у Джера что это за гадость и как называется. Может, производители не знают о подобной «побочке»? Может, я первая? В любом случае скоро меня отпустит, и я все выскажу Кэтрин! А, может, я сплю, и это дурной сон? Но как я могу спать, если нам в клуб через десять минут выезжать? Так, спокойно. Надо подумать. О чем? Хм... Да, точно и совершенно определено: у меня галлюцинации.

– Нет у тебя никаких галлюцинаций.

– Ну вот, они опять со мной говорят. Не поддавайся на провокации, не говори с ними. Их не существует.

– Девушка, а небесный суд над Вами был? – поинтересовался солдат.

– Был, – растерянно ответил заяц. – О-о-о, нет, нет, нет! Я вас не слушаю и не слышу! Не отвечать! Не отвечать им! Ла-ла-ла-ла-ла-ла-а-а... – Если бы она могла, я думаю, она бы подтянула колени к груди, опустила голову, закрыла уши руками и раскачивалась из стороны в сторону. Но перед нами сидела абсолютно неподвижная игрушка, собственно, каковыми были и мы.

– Да угомонись ты! – рявкнул солдат. Такого я от него не ожидал. Даже мне захотелось закрыть рот и спрятаться куда-нибудь подальше. В голосе звенела сталь. Таким голосом горы в пыль дробить можно. По-моему, девочка своей истерикой, сама того не желая, запустила процесс перехода из «ботаника» в «главнокомандующего». Заяц осекся и замолк. – Ты была на небесном суде, так?

– Т-так.

– Тебе там зачитывали приговор о УДК СУ?

– Что?

– Точно не помню, как это расшифровывается. Ладно, спросим по-другому: тебе зачитывали приговор о принудительном переселении души в тело игрушки с целью перевоспитания для последующего перерождения?

– Что-то читали... – она взяла себя в руки и перешла в наступление. – Да у меня голова болела! И вообще я не обязана слушать каких-то дядек и тетек. Я ничего такого не сделала, чтобы выслушивать от них, что я живу как-то не так, как им хотелось бы. Это моя жизнь и мне пофиг, что они о ней думают!

– Да ты кони двинула, дорогуша! – я не удержался. Конечно, такие новости следует сообщать немного мягче, особенно существам женского пола. Но, простите, опыта в сообщении человеку новости о его смерти у меня не было.

Жаль, что мы обездвижены. Судя по всему, девочка была готова упасть в обморок. Я бы посмотрел на это. Она все еще издавала какие-то нечленораздельные звуки, когда в ситуацию вмешался Джон.

– Послушай, как тебя там? С тобой что-то произошло, и ты умерла. Обращаясь к твоему недавнему монологу, могу предположить, что это из-за таблеток, которые ты выпила якобы от головной боли. Попытайся вспомнить, судьи что-то говорили о тебе «страшное», что тебе не понравилось?

– Они пытались доказать мне, что у меня передозировка сильнодействующими наркотиками. Я им говорила, что не употребляю и им не советую! Да я никогда...

– Подожди. Видимо, те таблетки и были наркотиками. В одной таблетке – одна дозы. Сколько ты, говоришь, выпила? Три штуки? Вот и результат. Тебя просто не откачали.

– Это непра...

– Затем твоя душа попала на небесный суд, – Джон невозмутимо продолжил свою лекцию, – где выяснилось, что ты не очень-то достойно прожила свою жизнь (уж не знаю, что ты там натворила) и тебя нужно немного «изменить», чтобы свою следующую жизнь ты не пустила коту под хвост так же, как предыдущую. Для этого твою душу поместили в плюшевого зайца. Теперь ты – безвольная кукла. Ты будешь все чувствовать, но никто, кроме нас, таких же «переселенцев», тебя не услышит. Ни двинуться с места, ни пошевелиться – ничего. Смирись.

– И наслаждайся, – не упустил я своего шанса подлить масла в огонь, припомнив, как «мило» Ричард играл со мной и солдатом.

И тут плотину прорвало. Видимо, осознав во что вляпалась, девушка сначала зашипела (тут по сюжету у нее должен был из ушей пар повалить, будь мы в фильме), а затем ее понесло:

– Да как вы смеете?! Меня, Лиетту Уильямс, запихнуть в какую-то вонючую игрушку?! – я уж было решил, что она обращается к нам, но нет, все к тем же судьям. – Знаете, куда вы можете ее себе засунуть? А ну, немедленно верните меня в мою жизнь! Да я вас всех засушу! Вы у меня прощение вымалывать будете и все ваши дети, внуки и правнуки до седьмого колена! Вы что, не знаете моего папу? Да он вас всех раздавит и не моргнет! Эй, вы меня слышите?!

– А вот и вторая стадия, – тихонько шепнул мне Джон, – гнев.

– Что значит вторая стадия?

– Ты что, не слышал о пяти стадиях принятия неизбежного? Отрицание (его мы уже прошли), гнев (его мы сейчас наблюдаем. Жаль, попкорна нет), далее нас ждет торг, депрессия и принятие. Так что это теперь надолго! Приятного просмотра, Том! – он усмехнулся.

Мда-а-а...

– ... и будете в раскоряку ходить до конца своей жизни! – Лиетта захлебнулась своей гневной тирадой в адрес небожителей и в комнате повисла долгожданная тишина.

Солнце за окном только-только лениво выползло на небосвод, окрашивая его в розоватый цвет. С улицы доносились звуки проезжающих машин. С каждой минутой их становилось

все больше. Город просыпался. Но у нас еще был шанс вздремнуть, пока Ричард не проснется и не решит, что мы по нему за ночь соскучились.

Зайка уже не орала, сидела рядом и что-то обреченно бормотала себе под нос. Я прислушался:

– ...все равно найду на вас управу... вы ответите... меня, Лиетту... Уиль...ямс... меня... вы... – последние обрывки слов она произнесла еле слышно, и, видимо, окончательно выбившись из сил, отключилась.

Через занавешенные шторы в комнату пробивались ленты света, оставляя пока еще не яркие пятна на ковре. Я попытался заставить себя уснуть. Нас всех ждал очередной непредсказуемый день, и это не вселяло совершенно никаких надежд. Вспомнив голос мамы Ричарда, я вяло улыбнулся и начал проваливаться в спасительный сон...

Именно в этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел глава семейства со словами:

– Сынок, пора вставать. Доброе утро!

Ну, и в каком месте оно, скажите мне, доброе?!

ГЛАВА 3

Мальчишка что-то проворчал, повернулся на другой бок и укрылся с головой. Папа, улыбаясь, подошел к кровати и стянул с сына плед, отчего тот скрутился калачиком.

– Просыпайся, соня! Мы можем опоздать в детский сад. Беги чистить зубы и спускайся вниз.

Ричард потер глаза, немного помедлил, но все же встал с кровати, бросив в адрес отца что-то вроде: «Сами не спите и мне не дайте», и прошлепал в ванную. Послышался звук льющейся воды, а через минуты три в комнату вошел уже бодрый и веселый мальчуган. Заправив аккуратно кровать (я до тридцати четырех лет этому так и не научился), он повернулся на пятках и направился в нашу сторону. Я побледнел. Точнее, я бы побледнел, если б мог. По крайней мере, моя воображаемая кровь разом отхлынула от лица, а сердце ускало куда-то в район левой пятки. Маленькая ручка потянулась ко мне, и я съежился, насколько это возможно сделать, оставаясь неподвижным. Пальцы всколыхнули воздух около моего уха, но не тронули его, а вместо этого схватили зайца.

– Что? Где? А-а-а-а! Кто это?! – завопила Лиетта. – Кто этот... ребенок? Что происходит? Отпусти меня!

Конечно, Ричард не слышал этого. И конечно он не отпустил игрушку. Напротив, повертел ее в руках, отчего вестибулярный аппарат зайки наверняка послал свою хозяйку куда подальше, и одним неуловимым движением ткнул ей в живот.

– Ай!

«Я тебя люблю».

– Эт-то ч-что ещ-ще такое? – прошипела девушка. – Это я что ли? Это у меня что ли? Эй, вы там, слышите, вы там совсем опухли? Да я вам... – это было, видимо, опять в «небесный» адрес, но договорить ей не дали. Мальчишка перехватил зайца (или зайку) и впечатал его носом в мой нос, имитируя поцелуй.

Готов поклясться, я слышал скрежет ее зубов.

– Фу, блин!!! Тьфу! Тьфу! Даже не думай! Это не я! Да чтоб я тебя поцеловала... Не в этой жизни!

– А утро-то действительно доброе, – поддразнил я эту плюшевую занозу, – может, повторим?

– Да пошел ты!

– Какие вы милые! – протянул наблюдавший за всем этим Джон.

Снизу послышался голос мамы, и Ричард, кинув зайца прямо в мои объятия, бросился вниз.

– О, ну что ты! Не так же сразу! Давай хоть познакомимся, крошка! – меня откровенно забавляла эта ситуация. Проявить такт и включить джентльмена именно в этот момент и именно в отношении этой девчонки было все равно, что изменить самому себе. Поэтому я наслаждался.

– Только. Попробуй. Меня. Облапать. – зайка вколачивала каждое слово, словно забивала гвозди в крышку моего гроба. – И не смей думать! Я представляю, что ты там уже нафантазировал! Блин! Ну как же встать-то! Не буду же я тут валяться весь день!

– А что, валяние на «мягком мне» тебя не устраивает? Желаете оказаться в руках Ричарда?

– Да лучше уж с ним, чем с тобой, животное!

– О-оу, а вот это было обидно! Потому что ты – тоже животное. Не переживай, мы из разных видов. У нас все равно с тобой ничего не получится. Я не люблю стерв.

– На себя посмотри, хамло мохнатое!

– Так, друзья! – в нашу перепалку, готовую перерасти в войну, вмешался Джон. – Давайте вы немного успокоитесь! Заяц засунет свою гордость под свой прекрасный белый хвостик, а медведь туда же засунет свой острый язык.

– В смысле под ее пушистый хвостик? – я едва сдерживал смех.

– Тьфу ты! Ты вообще можешь думать о чем-нибудь другом рядом с ней? – Джон расхохотался, а вместе с ним и я.

Лиетта была готова самовоспламениться и сжечь нас обоих к чертовой матери. Ну, в конце концов, ей никто и не обещал хороших «соседей».

– Я серьезно, ребят, – сквозь утихающий смех проговорил солдат, – давайте вы заключите временное перемирие и мы, наконец, познакомимся с нашей «новенькой». Нам теперь жить вместе, хотите вы этого или нет. Поэтому и держаться нам следует вместе. Ричард сейчас уйдет в садик, поэтому у нас будет затишье..., – он выдержал театральную паузу, после чего устрашающим голосом добавил, – перед бу-у-у-рей.

– Не буду я с ним мириться, тем более в таком унижительном положении. Да я, Лиетта Уильямс...

– Да, это мы уже выучили, Лиетта Уильямс, – перебил ее Джон. – Но так уж вышло, что это самое «унижительное положение» может исправить только Ричард. Или ты видишь где-нибудь полную луну?

– А при чем тут луна? – спросил я.

– Как при чем? Ты вообще читал «Краткие рекомендации и условия улучшения душевных качеств»? – Тишина. – Та-а-а-к... Вижу, что нет. А подписывал? А ты? – он перевел взгляд на девушку.

– Да, – хором ответили мы.

– Что-то подписал, но читать – не читал. Там страниц десять с набором букв! Это не для меня.

– Одиннадцать с половиной, если быть точным. Мда-а-а... И как вы собирались «пере-рождаться»? Там ведь один неверный шаг – и все заново! Вопиющая безответственность! – похоже, режим «командир» активирован. Глядишь, натренируется на нас и «исправится» в угоду небожителям.

– У меня, если вы забыли, голова болела! Мне было не до чтения, – огрызнулась наша фифа.

– Ага, забудешь тут, когда ты напоминаешь об этом каждые полчаса.

Она метнула в меня взгляд, полный ненависти, который мог значить только одно: «Сдохни!».

– Итак, луна!

– Лекцию в студию! – пробормотал я себе под нос.

– Согласно «Рекомендациям...», наши тела могут обретать подвижность только в определенной фазу луны и только при определенных условиях, а именно в полнолуние и только в лунном свете. Если в такую ночь на нашем небе густые тучи, это значит, что в этом месяце нам не повезло. Но, – честное слово, если бы он мог, он бы поднял указательный палец вверх, – сбежать из дома и спрятаться или сменить ребенка, а точнее «хозяина» мы не можем. Это карается обнулением всех достижений, и душа вновь помещается в игрушку с целью прохождения заданного пути заново. Как-то так. Ах, да, чуть не забыл! К моменту пробуждения хозяина, игрушки должны находиться на тех местах, где он их оставил, при этом не важно, проснулся хозяин, чтобы сходить в туалет через час после отбоя или чтобы сходить на работу через восемь часов сна. Поэтому, далеко уходить не стоит. Иначе, если хозяин заметит несоответствие, это карается все тем же обнулением. По сути, там все карается обнулением. Вы что, правда не читали? Это не шутка?

– Как показала практика, для этого у нас есть ты, – я с уважением посмотрел на нашего лектора. Возможность раз в месяц размять затекшие кости, которые ощущаются, наверно, по старой памяти – это весьма и весьма хорошая новость!

– Так, ладно, с этим разобрались. Теперь вернемся к более раннему вопросу, а именно, – он посмотрел на зайца, – кто Вы, мисс Уильямс? Судя по Вашей выходке с таблетками и непреодолимым желанием попасть в клуб, Вы весьма юная особа. Итак, мы слушаем.

– Здравствуйте, меня зовут Лиетта Уильямс и я... игрушка. Вы это хотели услышать? – оцетинилась девушка.

– Почему ты такая колючая? Уж, не за это ли ты тут? Тогда тебе придется очень постараться, чтобы научиться нормально разговаривать с людьми.

– А где вы тут людей видите? Пластмассовый солдат и плюшевый медведь. Тоже мне! Единственный человек в этой комнате ушел в детский сад.

– Ты тоже, знаешь ли, на человека не тянешь! – отрезал я. – Розовый зайчик с белым хвостиком и загнутым ухом. Ничего человеческого в тебе нет, даже души.

Последнее, она, видимо, пропустила мимо своих длинных ушей, но в ее взгляде отчетливо читался поднимающийся ужас.

– Какой? Розовый? Кошмар! Этот цвет был в моде два сезона назад! Нет, они там точно хотят моей смерти!

– Эмм, ну ты, как бы и так... того... – осторожно подметил Джон.

– Да еще это «я тебя люблю», – последнюю фразу она почти выплюнула. Да я в жизни никому такого не говорила! – она осеклась и замолчала. До нее медленно доходил смысл сказанных ею слов.

Мне почему-то стало ее жалко. Вот так прожить, пусть и короткую, жизнь без любви... Я – любил. Правда, я любил память о родителях. Какие-то обрывки воспоминаний: мамыны глаза, ее руки, прижимающие меня к груди, папины широкие плечи, на которых он любил катать меня, когда мы втроем выходили гулять в парк, и их последние слова «Не скучай, малыш. Мы тебя очень любим!» – все это всегда порождало в моей душе разливающееся тепло и умиротворение. Я знал, что любим ими, где бы они ни были. Из живущих со мной рядом людей я не любил никого, как и меня – никто. Это ужасно, как я теперь понимаю. Тогда же я обманывался, раз за разом споря со своим «внутренним я», что это норма. В случае с Лиеттой все гораздо хуже. Ее не научили любить. Она жила ради себя, в угоду себе. Где-то там, в глубине души, она была калеккой. И это надо было срочно лечить. Едва ли не впервые в жизни мне захотелось пожалеть другого человека, обнять, окружить заботой и теплом, жить ради этого. Весьма странное чувство. Надо будет подумать о нем и дать ему объяснение. Впрочем, я вновь выпал из реальности.

– Сколько тебе было лет, Лиетта? – уже без сарказма спросил я.

– Двадцать два, – глухо отозвалась девочка. В этом голосе чувствовалась горечь и обреченность. Нет, она не сломалась. Такие личности в одну секунду не ломаются. Но что-то в ней хрустнуло. Возможно, она наконец задумалась о чем-то действительно важном. Хотя, может, точнее будет сказать «впервые в смерти»?

В комнате повисла тяжелая тишина. Каждый думал о своем. Я же думал о ней. Такая молодая! И так глупо... Стерва она, конечно, порядочная, и при других обстоятельствах я, возможно, придушил бы ее. Да что греха таить: еще пару часов назад я готов был это сделать! Но сейчас она уже не казалась такой зарвавшейся эгоисткой. Просто... недолюбили. Просто... не сказали, как надо. Судя по тому, как она угрожала «судьям» своим папой, он был влиятельным и состоятельным человеком. Уж не знаю, какой была ее мать, но подозреваю, что тоже крайне избалованной личностью. В таком союзе ребенок всегда страдает. Хоть родителям и кажется, что они делают все для его блага, по факту получается, что от ребенка откупаются. Хочет девушка машину аквамаринового цвета с аэрографией на капоте? Пожалуйста! И никто,

никто не станет разбираться, что за всем этим стоит острое, почти болезненное ощущение нехватки внимания. Хочет девушка купальник от Шанель за «килограмм денег» – пожалуйста! Никто даже не догадается, что эти три лоскутка – это способ сказать миру: «Смотрите, я дорогая! Я чего-то стою! Я богатая, а, значит, уважаемая обществом!». А обществу-то как раз пофиг. Нет, не тем подружкам, которые поохают, а именно обществу в широком понимании этого слова. А девочкам невдомек. И они снова, засыпая, думают: что бы еще такого сделать, чтобы доказать миру, что я – не пустое место? Счастливым людям перед сном думается не об этом, а о том, что утром приготовить детям на завтрак, какую рубашку погладить мужу на работу и сколько подарков купить на Рождество, чтобы никого не забыть. А эти – эти глубоко несчастны. Они думают только о себе.

Такие мысли привели меня к одному очень занимательному выводу: из меня получился бы неплохой психолог, ну или философ. При жизни не было времени об этом думать, нужно было крутиться, чтобы выжить. А сейчас времени – вагон. Да и «думать», оказывается, весьма увлекательное занятие!

Вязкую тишину оборвал спокойный женский голос:

– Меня зовут, как вы знаете, Лиетта Уильямс. Можете называть меня Лия. Мне 22 года. Я из Бостона, штат Массачусетс. Студентка Гарварда. Папа – владелец крупной строительной фирмы с филиалами по всему миру. Мама просто красивая, как она всегда говорит... говорила... Люблю тусовки, шопинг и путешествовать. Есть старшая сестра, кот и канарейка. Историю моей смерти вы знаете. Что-то еще?

– Пока достаточно, Лия. Спасибо, что открылась, – сказал я, и, собравшись с мыслями, продолжил. – Меня зовут Том Райт. Мне 34 года. Я из Сент-Луиса, штат Миссури. С 5 лет воспитывался теткой, для которой был обузой. Родители погибли в автокатастрофе. С тех пор я рос практически на улице. Только ночевал дома и иногда ел. В школу ходил лишь для того, чтобы не отчислили. Дальше учиться не пошел – не было возможности. Жил, как мог. Зарабатывал, как мог. Воровал. Много. Прессовал тех, кто слабее. Самоутверждался за их счет, доказывая самому себе, что я что-то могу – это я уже сейчас понял. Мыслей о нормальной жизни с семьей и работой никогда не было. Мне казалось, что моя жизнь и есть норма. Насыщенная, непредсказуемая. Никогда не знаешь где и кем завтра проснешься. Здесь, в этой «игрушечной» жизни у меня появилась новая привычка – думать. И теперь, оглядываясь на свою прошлую жизнь, понимаю, сколько всего было упущено и не сделано. И насколько все было неправильно! На небесный суд попал прямиком из перестрелки с полицейскими при попытке скрыться после ограбления ювелирного магазина. Признаться, сам удивляюсь, как дожил до 34 лет. Был в шоке от «приговора» и не сразу понял, что произошло. В еще большем шоке был, когда увидел себя в зеркале. Но как же я рад, что я тут не один! А Ричард (кстати, Лия, он наш так называемый «хозяин») – его мы потерпим уж как-нибудь. Все ж лучше, чем гореть в аду, – горькая усмешка с налетом обреченности вызвала всеобщий вздох. – Джон?

– Меня зовут Джон Рикс. Мне 28 лет. Я тоже из Сент-Луиса. Да, Том, мир тесен. Меня растила одна мама. Отец нас бросил, когда мне было 3 года. Причину мама мне так и не сказала. Работал в библиотеке. Любил читать, гулять в парке и печь пироги по выходным. Ни жены, ни девушки, ни даже подруги. Я всегда боялся противоположного пола. Какие-то эти женщины непонятные, напрочь лишённые логики и здравого смысла. По крайней мере, те, кого я знал. Возможно, я и сам был замкнутым, нелюдимым. Но мне было так комфортно. Никто не причинит боль и не предаст. Причина смерти: был убит шайкой недолудей, в квартале от дома. В день рождения мамы... Я был у нее один, – он замолчал.

Я представил его маму: осунувшуюся, почерневшую от горя женщину, для которой до конца жизни день ее рождения будет самым страшным днем. По теплоте в голосе солдата, когда тот упоминал мать, было понятно, что он ее очень любил. А по тому, каким он вырос, понятно, что она тоже души в нем не чаяла. О таких мальчиках говорят «маменькин сынок».

Обычно они так и живут до старости с мамой и десятком кошек. Но в этой истории старости не случилось. И это страшно. Родители не должны хоронить детей!

Если моя смерть была вполне предсказуемой, а смерть Лии и вовсе была досадной ошибкой, то у Тома все было гораздо трагичнее.

Тем временем за окном уже всю разгорался день. Запахло разогретым асфальтом и стеклом – окна детской выходили на солнечную сторону, из-за чего в комнате уже сейчас становилось нечем дышать. Воздух нам, конечно, не нужен, но духота и растущая температура были весьма неприятны.

Лия все так же лежала в моих объятиях, погруженная глубоко в себя. Настолько глубоко, что я даже начал переживать выплывет ли она или придется ее спасать. А потом, как порядочный человек, жениться на ней.

– Ага! И жить как кошка с собакой, – отозвался мой внутренний голос. – Да она ж – идеальная заноза для твоей многострадальной задницы! Тебе что, слишком спокойно живется?

– С ней веселее, – отозвался я и мысленно показал самому себе язык. Ну, все! Привет, шизофрения!

– Мазохист!

– Зануда!

Та-а-акс... А в этой игрушечной жизни есть игрушечная психушка? А то она по мне явно плачет. При наличии двух собеседников, я говорю сам с собой. Да еще о чем – о женитьбе! А что еще хуже – о женитьбе на Лие. Ну, уж нет! Не в этой жизни! Да я ее убью раньше! Ну и что, что она рядом со мной, – я взглянул на нее, – лежит, уткнувшись мне в плечо... такая беззащитная... такая юная... такая... родная...

ЧТО?!

Бррр!

– Это просто переутомление, Том! Слишком много всего случилось за последние сутки. Тебе надо успокоиться и поспать. Да, точно, поспать!

Хм, «родная»... Надо ж было додуматься до такого!

ГЛАВА 4

Открыл глаза я в своей квартире. Успевшее подняться довольно высоко, солнце беспощадно плавало мою кровать, а вместе с ней и меня. Я потер лицо и нервно провел обеими руками по волосам, откидывая их назад. Осознание, что мне приснился ну о-о-о-чень реалистичный сон медленно ввинчивалось в мой сонный мозг. А потом в нем что-то щелкнуло, и реальность нещадно навалилась на меня всей своей многотонностью.

Я отчетливо понял, что так жить дальше нельзя. Что если мне кто-то когда-то предложит ограбить ювелирку, я его, не раздумывая, очень далеко пошлю. Что надо попытаться устроиться на работу и попробовать жить как нормальный человек. Что пора прекращать уповать на обстоятельства и брать себя в руки, в конце концов, я сам хозяин своей судьбы! Что надо бы сменить обстановку: поехать к морю или в горы, или к морю, где горы, или вообще автостопом по галактике. Да куда угодно! Главное, подальше отсюда, от «местного меня». Пора что-то менять. Да вот хотя бы вместо того, чтобы одеться и привычно выйти на улицу промышлять грабежом и пить пиво с пацанами, встать, заправить кровать (как Ричард), зачесать волосы, побриться, надеть джинсовые шорты и глаженую (!) футболку, выпить кофе с парой тостов, взять деньги и отправиться в магазин за продуктами. В холодильнике не то, что мышь повесилась, там уже даже ее кости давно в прах обратились. Купить нормальной человеческой еды: фрукты, овощи, колбасу, сыр, арахисовое масло, хлеб, молоко, сок, кетчуп, мясо... Я представил, как жарю стейк... такой ароматный, с прожилками крови, со специями... И чуть не захлебнулся слюной. Еще надо взять чистящие и моющие средства – отчего-то моя квартира, больше сейчас напоминающая дыру, стала казаться мне едва ли не склепом. Куда ни глянь – пыль, паутина, грязь и ни одного квадратного сантиметра порядка.

Поразительно, как один супер-бредовый сон может встряхнуть человека! Пока все эти мысли роились в моей голове как стая сумасшедших пчел, я действительно осуществил все задуманное. Правда, футболку так и не погладил, уютг найти в этом хламнике не удалось (плюс еще один пункт к покупкам). Кофе я варил, подбадривая себя фразой «глаза боятся, а руки делают», потому, как не делал этого уже очень много лет. По вкусу получилось нечто среднее между колой, пивом и забродившим чаем... В общем, кофе я выплюнул сразу. Тосты оказались вполне съедобными. Подозреваю, только потому, что жарил их тостер, а не я. Видимо, придется еще учиться готовить, раз уж решил все менять.

Жуя тосты, я подумал о том, что во сне осталась Лия. И Джон. И мама Ричарда. По Ричарду я скучать не буду точно, а вот остальных хотелось бы еще увидеть. Особенно эту невыносимую стервочку. Она была огоньком. Таким, который может спалить все за считанные секунды, но если с ним правильно обращаться, этот огонек подарит тепло и свет. Если бы мне удалось отыскать ее, я бы попытал счастья. Конечно, девушки такого уровня, как она, даже не дышат рядом с такими, как я, но я же решил начать новую жизнь! Возможно, из меня получится неплохой такой человек, которого она подпустит к себе на расстояние, достаточное для того, чтобы слышать мое «Привет».

Отмахнувшись от все еще держащего меня сна, я быстро собрался, схватил ключи от квартиры, завязал кеды и выпрямился, чтобы бросить беглый взгляд на себя в зеркало.

– Красавчик!

Именно это хотел сказать я, глядя на себя. Но увиденное выбило из меня весь воздух. Из зеркала на меня смотрел... медведь.

Секунда, две, три, четыре...

– А-А-А-А-А-А-А!!! Твою мать! Нет!

Я широко распахнул глаза лишь для того, чтобы, увидев испуганные взгляды Джона и Лии, осознать, что моя реальность здесь, а не там.

Да что ж такое! Я же только собирался порвать с прошлым! В этой ситуации успокаивало только одно. Точнее, одна. Лия. Она по-прежнему лежала на мне. Поэтому когда она заорала, это получилось очень даже громко, потому что орала она практически мне в ухо:

– Ты что, ошалел так вопить?! Я чуть зайкой не стала!

– Скажи спасибо, что мы двигаться не можем, а то тебе бы еще и по ребрам прилетело.

– Если бы мы могли двигаться, я бы тут не лежала, а сидела в противоположном углу комнаты, подальше от твоего волосатого тела, – огрызнулась она.

– Если уж на то пошло, тебе бы тоже эпиляция не помешала, – она снова начинала распалать меня. Вот как она это делает? Я же не собирался ее дразнить.

– Вы когда-нибудь найдете общий язык? – показательно вздохнул наш «миротворец».

– Разве что, когда наши языки станут единым целым в страстном поцелуе... – я ждал ее реакции.

– Тогда придется отрезать твой язык при первой же возможности, чтобы до этого (не дай Бог) не дошло, – отозвалась она.

Ух, стерва!

Солдата наша перепалка откровенно забавляла. В глазах искрились смешинки, вперемежку с теплотой. Так смотрят, наверно, на друзей.

– Джон, может, тебе за попкорном сгонять? А то тут представление только начинается.

– Отстань от девочки, – весело ответил он, игнорируя мой сарказм. – Правда, чего орал-то? Сон плохой?

– Ага. Приснилось, что я проснулся у себя дома, а все вот это, – я обвел взглядом комнату, – страшный сон. А потом я снова проснулся, и оказалось, что «страшный сон» никакой вовсе и не сон, а все вот это...

О том, что мне не хватало солдата и зайки, я предпочел умолчать. Не привык показывать свои слабости.

– Мне тоже сначала снились подобные сны, – сказал Джон. – Видимо, сознанию тяжело перестроиться. Ничего, со временем сможешь спать спокойно.

– Главное, чтоб Ричард не начал сниться в кошмарах, – усмехнулся я.

– Не переживай. Не начнет. Он будет твоим кошмаром наяву.

– Вот спасибо! Успокоил.

Я хотел было еще немного взбодрить зайку, рассказав вкратце что у кого из игрушек сломано в процессе безобидных детских игр, и что ее примерно ждет, но тут на лестнице послышались шаги и я насторожился. Одно дело дразнить девушку и совершенно другое – стать наглядным примером для нее.

Вздых облегчения пронесся по комнате, когда в детскую вошла мама Ричарда. Тихонько напевая какую-то ритмичную песенку, она подошла к окну и отдернула шторы. Свет больно ударил по глазам, и в следующий момент повсюду заплясали солнечные зайчики. Комната наполнилась желтоватым свечением и в этом свечении, стоя лицом к нам в оконном проеме, мама казалась ангелом. Волосы отливали золотом, а из-за того, что солнечный свет падал сзади, они как будто горели. Изящная фигура казалась еще тоньше, еще невесомей. Бархат ее голоса вызывал острое желание завернуться в него, раствориться, рассыпаться на миллионы частичек, чтобы потом быть им же воскрешенным.

– Как ее зовут? – спросил я, не сводя с нее глаз.

– Глаза сломает! – попыталась укусить меня Лия.

– Оу, да тут запахло ревностью!

– Еще чего! – фыркнула она. – Просто не люблю, когда на женщин так откровенно пялятся.

– Это Джессика. Джессика Андерсон, – это уже голос Джона.

– Красивая...

– Красивая...

– Фррр! – кажется, зайка не любила конкурентов.

Джесс, танцую, прошла по комнате, убирая все по своим местам. Разбросанные вещи заняли свое законное место в шкафу, карандаши были аккуратно уложены в подставку, а разрисованные листочки сложены в стопку на краю стола. Невесть откуда взявшейся тряпочкой (возможно, я просто не заметил ее в руках), мама смахнула пыль с полок и направилась к нам. Несколько безнадежно поломанных игрушек были сложены в мусорный пакет, остальные отправились в полупустой ящик, включая Бамблби и солдата. Последний оказался погребен под конструктором и парой машинок. Из ящика доносилось сопение, пыхтение и тихий мат. Он что, ругаться умеет?

Нам с пушистой занозой повезло больше. Сначала женщина взяла на руки меня. Лия шмякнулась об пол, выругалась, но следом до меня донеслось:

– Слава Богу! Наконец я спасена из лап этого мохнатого придурка.

Тем временем мама Ричарда окинула меня взглядом и заглянула в глаза. Наши взгляды встретились. Вот это зелень! Таких зеленых глаз я еще не встречал. Изумруды – и те убили бы за такой цвет. Она поправила бантик у меня на шее и погладила меня... Фраза «гладить против шерсти» неожиданно заиграла для меня новыми красками. Меня скукожило в одну большую перекоsobоченную мурашку. Никогда бы не подумал, что от, казалось бы, нежной ласки можно получить такие жуткие ощущения. Распушив мою шерстку, Джессика усадила меня на кровать сына и взяла в руки зайца. Прodelав то же самое с ней – Лия шипела как уж на сковороде – она ткнула пальцем ей в живот.

«Я тебя люблю».

Женщина улыбнулась, за что была послана зайцем в очень далекие дали без попутного ветра. Поправив игрушке уши, Джесс усадила ее между моих ног, сделала шаг назад, любуясь на нас, после чего взяла тряпку и вышла из комнаты.

Я расхохотался, за что был послан вслед за мамой Ричарда все с тем же «ветром в харю».

– Признайся, что ты уже без меня не можешь, – весело подытожил я.

– Еще одно слово, и клянусь, после первого же полнолуния тебя тоже уложат в мусорный пакет.

– Мда-а-а... Плюшевые зайцы мне еще не угрожали, – я еле сдерживал новый приступ смеха.

– Ах, ты... – она не нашлась что ответить. Вместо этого, Лия обратилась к небожителям. – Это что, мой персональный ад? Может, договоримся, а? Я могу найти вместо себя другого человека. Или двух. Десять! Хотите десять? Или переселите меня хотя бы подальше от этого, – похоже, это она обо мне. – В другой дом, а лучше в другую страну. И вообще я прошу перерождения авансом! Я же не какая-нибудь убийца! Обещаю стать пай-девочкой и вести себя примерно. Только у-бе-ри-те е-го от ме-ня!!!

– Господа присутствующие, а вот и третья стадия принятия неизбежного – торг. Прошу любить и жаловать, – донеслось из коробки.

Лия побагровела или это так тень упала? Воздух между нами завибрировал от напряжения. Джон был послан вслед за мной и Джессикой, причем по маршруту столь детально описанному, что солдат должен был без труда догнать нас и перегнать, добравшись едва ли не первым до пункта назначения.

Огнедышащая зайка сидела у меня между ног, и я ощущал, как плавлюсь от ее гнева. Похоже, пора дать ей остыть. Конечно, я пушистиком не боюсь, но кто знает, что она может вытворить, когда сможет двигаться? Тем более, что до полнолуния оставалось, по моим подсчетам, около недели. Надо искать точки соприкосновения с ней. Хотя, если перевести это выражение дословно, сейчас у нас с ней этих точек хоть отбавляй.

* * *

Послеобеденное солнце откровенно вплавлялось мне в спину, отчего моя желто-коричневая шерсть начинала понемногу дымиться. Но деваться было некуда, приходилось терпеть и, как бы это странно сейчас не звучало, ждать Ричарда-спасителя. Лия, конечно, не ощущала на себе палящие лучи, моя широкая спина закрывала ее нежную девичью сучность, простите, сущность, и я гордился тем, что могу ее защитить. Естественно, она так не думала. Хотя бы потому, что даже представления не имела о том, как быстро нагревается синтетическая шерстка и вообще даже о том, что мне в спину упирается солнце. Она-то была в тени. Но мне хватало того, что о моем «героизме» знал я. Это определенно тешило мое самолюбие.

Зайка сидела молча, иногда вздыхая. То ли вспоминала свою прошлую жизнь, то ли формулировала новые предложения для «судей», которые бы смогли их заинтересовать, в тщетной попытке переродиться авансом. Глупышка!

Джон так и лежал, заваленный игрушками, и изредка напевал песенки из разряда «что вижу, то и пою», чем ощутимо злил Лию, видимо, мешая ей думать, и веселил меня.

Момент, когда рядом с нами на кровати возник Ричард, я упустил. Счастливым, горящим детский взгляд, полный энтузиазма, не предвещал ничего хорошего.

– Привет, мишка! Что делаешь?

– Сижу, – ответ был вполне очевиден. Правда, малыш меня не слышал.

– Пойдем, поиграем, – он заговорщически улыбнулся, и я понял: сейчас будет больно. Возможно, очень.

Он схватил зайку за ухо и отбросил в сторону, та с глухим звуком врезалась в бортик кровати и завалилась на бок:

– Да чтоб тебя!

Я готов был поменяться с ней местами! Даже на ее условиях. Вопреки всем исследованиям психологов (или кто там выделял эти пять стадий принятия неизбежного), у меня сразу включилась третья стадия – торг. Но кто б еще меня слушал! Меня схватили за лапу и потащили из комнаты. Что-то новенькое. Мальчишка положил меня животом вниз на пол около самой верхней ступени лестницы и уселся сверху. То, что должно быть позвоночником, жалобно хрустнуло под весом ребенка. Липкий страх пришел на смену осознанию моей незавидной участи. Ричард крепко сжал в кулаках мои уши, отчего моя голова задралась так, что я видел все впереди себя, и, оттолкнувшись ногами от пола, с криком «Ви-и-у-у-у» съехал с лестницы. Да-а-а, на спасителя он не тянул. Максимум – на мучителя. Лучше бы солнце пропало дыру в моей спине!

Мальчишка, смеясь, перехватил мою лапу и поволок снова вверх, ничуть не заботясь о том, что я бьюсь всем, чем только можно, о ступени. Наверху он вновь оседлал меня и все повторилось. Потом еще. И еще...

После шестого раза я мог безошибочно назвать число ступеней, ведущих на второй этаж в этом доме – четырнадцать. После девятого раза у меня были сломаны все несуществующие кости, и даже хрящи ушей, так как держался Ричард за них очень крепко. Слова во мне кончились еще на втором круге. Даже нецензурные.

– Сынок! Ты что делаешь? Мишке же больно!

– Да-да! Мишке же больно, – подтвердил я.

Мама появилась как раз в тот момент, когда этот маленький чертенок хотел идти на десятый круг. Мои персональные девять кругов ада были пройдены. Я чувствовал себя отбивной. Да что там! Я и был самой настоящей отбивной, по которой с душой прошлись молоточком. Если бы меня кто-то сейчас хотел добить, он бы мог это сделать единственным щелбаном. И, честно, я бы сказал ему «спасибо».

– Но мам, он же игрушечный! – попытался оправдаться Ричард.

– Игрушки тоже чувствуют. И им бывает больно. Отнеси мишку в свою комнату и спускайся к ужину.

Знали бы люди, насколько правдивы порой бывают их слова! При жизни в теле человека я ни разу не задумывался над чувствами игрушек. Правда, у меня их почти не было. Штук двадцать от силы. Покореженные машинки с оторванными дверцами, некоторые на трех колесах. Динозавр без хвоста (его я отгрыз). Какой-то робот, который «умер» в тот же день, когда мне его подарили. Помнится, тетка была очень недовольна, кричала на меня, стучала кулаком по столу и брызгала слюной. А потом я стоял в углу. Долго, часа два. Потом я просил прощения у подарившего мне робота мужчины. Тот, конечно, улыбнулся и простил меня. Но тетка возразила ему, мол, «нечего распускать моего племянника, он и так вытворяет Бог весть что!». К слову, тогда я особо не вытворял. Напротив, делал все, чтобы заслужить любовь и похвалу, как это было с родителями. Но тетка всегда была мной недовольна: слишком мало поспал, будешь теперь канючить – переспал, будешь капризничать; мало поел, будешь ныть – много съел, будет живот болеть; слишком легко оделся, заболеешь – слишком тепло оделся, перегреешься; мало гулял, иди погуляй еще – что так долго? Я тут вся извелась... Этот список можно продолжать бесконечно. Я делал абсолютно все не так, не тогда, не затем и «специально назло». Одним словом, я мешал ей жить. Во многом, благодаря ей, я вырос таким жестоким, невосприимчивым к боли, бесчувственным и злым. Я вымещал весь гнев на сверстниках, так как не мог ничего сделать с тетей. Хотя сотни раз прокручивал в голове как убиваю ее, человека, искалечившего мою невинную детскую душу.

Все это время, пока я вспоминал не самые приятные моменты своей жизни, мое плюшевое тело, забытое мальчишкой, неподвижно лежало около лестницы. И, признаться, я был крайне рад, что меня никто не трогает. Пусть так остается до утра.

Моя радость улетучилась, стоило Ричарду приблизиться ко мне. Держа в одной руке ломтик хлеба с арахисовым маслом (я сейчас бы душу продал за кусочек!), он рывком поднял меня и усадил рядом с собой на первую ступеньку.

– Извини, мишка! Мама сказала, что тебе больно. Это правда?

– Конечно, правда! Давай теперь я на тебе так покатаюсь! – как же все-таки жалко, что он меня не слышит.

– Плохо, что ты не умеешь говорить, – посетовал мальчишка. – Вот мама сказала, что если бы ты на мне так катался, то мне бы не понравилось. Думаю, она права.

– Какая мудрая женщина! Не перестаю восхищаться ей!

– Хочешь бутерброд? – Ричард протянул мне надкусанный хлеб и в нос ударил запах арахисового масла. Правильно, малыш, если не добил на лестнице, добей меня сейчас, дав мне захлебнуться слюной! – Ням-ням-ням, – это он что, меня озвучивает? – Вкусно, да? Мне тоже нравится!

– Заканчивай пытку, а? – взмолился я.

Мучитель доел свой хлеб, подскочил на ноги и, обняв меня за шею, потащил наверх.

– О, ну конечно! Душить-то ты меня еще сегодня – не душил!

Я вновь сосчитал своими пятками все четырнадцать ступеней, ругнулся, когда мальчик ударил меня головой о дверной косяк, занося в детскую, и, беспомощно повалившись на кровать, закрыл глаза, мечтая только об одном...

– Эй, Лия. Ты, кажется, хотела меня убить? Сейчас самое время.

– Это слишком просто. Мучайся на здоровье, – в ее голосе звучала ирония.

Зараза!

– Джо-о-он? Не окажешь услугу?

– Его нет. Забрали. Его и Бамблби. Похоже, у них будет «война».

– Надеюсь, он переживет этот вечер, – глухо отозвался я и замычал от боли, с помощью которой все существо как бы говорило мне: «ты не жилец, брат». Вот только и я, и небожители

знали, что смерть для меня сейчас – непозволительная роскошь. А потому надо просто закрыть глаза и попытаться расслабиться, раз уж это никакой не конец, а, скорее, начало. Херовенькое такое начало...

* * *

Что уж происходило за пределами детской комнаты, я не знаю, но Ричард пришел уже в пижаме, готовясь ко сну. В одной руке он держал немного помятого Бамблби, а в другой – солдата. Без левой ноги. Волосы на моем загривке встали дыбом. Если мне было больно от простых ударов, то как должно быть больно ему!

Мальчик аккуратно положил Джона на стол, порылся в кармане и извлек оттуда оторванную ногу. Лия вскрикнула. Я замер с расширившимися от ужаса глазами.

– Па-а-а-п! – через минуту в двери появился отец. – Папочка, сделай мне солдата, а? – малыш заглянул ему в глаза и сделал виноватое лицо.

– Ну, как так можно играть, сынок?! Неужели нельзя аккуратнее?

– У них была война, пап! Они дрались... В общем, так получилось. Сделаешь?

– И кто победил?

– Солдатик! – оживился мальчик.

– Малыш, а давай мы выкинем этого солдатика? Смотри: он весь поломан. Сколько раз я его уже делал? Давай завтра сходим в магазин и купим тебе нового. А этого пора отправлять в запас. Он свое отслужил.

Я забыл, как дышать. На Джона старался и вовсе не смотреть. При всем желании, я бы не смог ему помочь. Его судьба решалась здесь и сейчас этими двумя. В каком-то смысле, они для него были сейчас богами.

– Но па-а-а-ап! – взмолился Ричард. – Я не могу выкинуть этого солдатика! Знаешь, какой он сильный! Он всех побеждает! Без него мир будет в опасности! Ну, па-па! Ну, сделай! Пожа-а-а-луйста!

Вот в эти секунды я зауважал мальчика! В свои пять лет он отстаивал своих, пусть и игрушечных, друзей до последнего. Главное теперь, чтобы отца проняло.

Мужчина вздохнул, после чего молча встал и скрылся за дверью. Сын с надеждой проводил его взглядом и уселся на пол, обхватив ручками колени. Не знаю, как у него, а мое сердце ухало так, что за малым не глушило своим грохотом все вокруг. Даже боль от лестничного аттракциона ушла на второй план.

Папа вернулся минут через пять с тюбиком клея. Вздох облегчения вырвался у нас с Лией одновременно. Будь я девушкой, наверно, давно бы валялся в отключке от переизбытка сильнейших эмоций. Не зря же они чуть что, сразу в обморок падают.

– Во-о-от та-а-ак! – отец нанес каплю клея на сломанную ногу и с силой прижал к ней вторую часть.

Солдат зашипел, но не проронил ни слова. Видно было, что ему не впервой. Да после такого он имеет полное право рассказывать внукам, что воевал и имел боевые ранения!

– Теперь положим твоего солдата вот сюда, – мужчина бережно положил Джона обратно на стол, – и до утра его трогать нельзя. Пусть клей высохнет. А теперь живо в кровать!

– Спасибо, папочка! – мальчишка кинулся отцу на шею и поцеловал его в щеку. Папа улыбнулся, обнял сына и, подхватив его на руки, отнес в кровать.

– Спокойной ночи, сынок.

Меня и зайца усадили на пол рядом с кроваткой.

– Спокойной ночи.

Свет погас.

– Прости меня, солдатик. Я не хотел ломать тебя! И я правда-правда тебя не выброшу! Прости меня, Бамблби. Ты и помятый красивый, честно! Прости меня, мишка. Я больше не буду кататься на тебе с лестницы. Спокойной ночи всем.

Малыш отвернулся к стене, свернулся калачиком и вскоре засопел.

Ни я, ни Лия не трогали Джона. Друг друга мы тоже не трогали. У нас было временное перемирие. Ради солдата. Зайка, похоже, окончательно поняла куда попала. Что же касается меня, то я все еще не пришел в себя после игры с Ричардом. И на фоне Джона я выглядел сейчас слабаком, который еле пережил невинные «покатушки» со второго этажа. Пусть и девять раз.

О том, что ждет нас всех завтра, я старался не думать. Это все будет завтра. А сегодня главное, что мы все выжили и остались в этом доме. Все остальное – пустяки. Болючие, пекучие, саднящие пустяки...

– Спокойной ночи!

Ответом мне было молчание.

* * *

Следующий день выдался пасмурным, отчего дышать было значительно легче, хотя дышал я, можно сказать, по старой памяти. То есть приступы удушья и нехватки воздуха я все так же испытывал, но если мне полностью перекроют доступ кислорода, я это переживу, в отличие от моей «человеческой» версии меня.

Утром прошел небольшой дождь, но земля настолько была измучена затяжной засухой, что эти осадки были как мертвому припарка. Уже через пару часов исчезли признаки даже самых больших луж, не говоря уж о маленьких. И только толкающиеся в небе тучи давали о себе знать отдаленными раскатами грома.

Мне всегда нравилась такая погода. Солнце не слепит глаза, после дождя воздух приятно пахнет озоном и свежестью, легкий ветерок приносит долгожданное облегчение после летнего зноя. Такие дни – самое время для пикника или рыбалки. Тут уж кому как нравится: кто-то старается проводить время наедине с любимым человеком, кто-то с семьей, а кто-то – оставшись один на один с собой. У меня выбора никогда не было. Я всегда был одиночкой. Правда, и на рыбалку не ездил. У меня было любимое место в парке – тихое и уютное. Только там я мог быть самим собой, только там мог снять маску крутого парня, и, устроившись в зарослях некошенной травы, думать о том, какая у меня все-таки фиговая жизнь. Я думал о том, что мне совершенно некуда идти, что меня нигде не ждут, что я, по сути, отброс общества, пытающийся всеми правдами и неправдами (чаще последними) держаться на плаву, чтобы не захлебнуться в собственной никчемности. Я никого не уважал, ни к кому не испытывал любви, не сучал и не горел желанием все это испытать.

Но ни разу в жизни мне не приходила в голову мысль что-то изменить. То ли у меня просто не было на это сил и желания, то ли я ошибочно полагал, что это и есть моя «ниша», мое законное место. Наверно, и то, и другое. А если отбросить сейчас гордость и взглянуть на себя, прежнего, то вполне можно поставить самому себе диагноз: «Идиот». Обидно, что для того, чтобы осознать это, мне пришлось умереть.

И только теперь, находясь в этом игрушечном теле, в этой игрушечной жизни, я хотел что-то сделать, что-то поменять, о ком-то заботиться... Да хоть вон о Лие! Вот только мое плюшевое тело было совершенно неподвижно и это меня приводило в бешенство.

За последнюю неделю я немного смирился с новым видом моего существования. Даже почти привык к ежедневной боли и уже, можно сказать, не стонал, когда игра с Ричардом заканчивалась и его внимание привлекала другая игрушка.

...Джон вернулся в наши ряды не сразу. Наутро, после выигранной им войны, в которую играл «хозяин», и приклеенной ноги, малыш унес солдата в неизвестном направлении на

четыре долгих дня. Признаться, с каждым днем у меня оставалось все меньше надежды увидеть его снова.

Прошлым вечером, когда мы с Лией в очередной раз чесали свои языки, упражняясь в колкости фраз, откуда-то издалека донесся знакомый голос.

– Надеюсь, вы еще не поубивали друг друга? – настроение у Джона явно было прекрасное. Ричард забежал в комнату, кинул солдатика на стол и вновь умчался.

– Полной луны еще не было, – проворчала зайка.

– Джон! Где тебя носило? – я даже не попытался скрыть радость в голосе.

– Вот именно что «носило». Это была длинная неделя.

Солдат вкратце пересказал нам события последних четырех дней, в которых он прошел путь от унижения к славе. Унижение его настигло во вторник утром, когда Ричард, довольный, что нога игрушки надежно приклеилась, взял его с собой в ванную-комнату. Одно неловкое движение – и Джон оказался в унитазе, с головой уйдя под воду. Опомился мальчик, только когда почистил зубы, то есть минуты через две. Все это время наш «подводник» молил Бога, чтобы тот дал ему возможность пошевелить рукой, дабы заткнуть нос и не слышать той ужасной вони. Потом, конечно, его достали, помыли с мылом (я подумал, что тоже не отказался бы от водных процедур, правда, «заслужить» их я надеялся не таким путем) и взяли с собой в садик. Там, оказывается, тоже есть «переселенцы». Это что ж должен был человек совершить при жизни, чтобы его послали игрушкой в детский сад?! К двадцати детям одновременно, на пять дней в неделю... Вот там точно «лучше бы в ад»!

В общем, со вторника по пятницу Джон спасал прекрасную принцессу от дракона, воевал с инопланетными захватчиками, скакал на лошади, сидел в засаде, засыпанный кучей песка, летал по воздуху, как супермен, падал с высоты поднятой детской руки, был заляпан перловой кашей, дважды облит соком и чуть не угодил под колеса автобуса, когда Ричард выронил солдатика по пути из детского сада домой.

Мы с Лией слушали рассказ нашего путешественника и понимали, что еще легко отделались, поскольку меня мальчик привлекал в свои игры пару раз, а участь зайки сводилась к тому, что ей несколько раз в день тыкали в живот, вшитое устройство отзывалось фразой «Я тебя люблю», и на этом все заканчивалось. Подозреваю, что всему виной был «совершенно не модный в этом сезоне» цвет ее шерсти.

Всю неделю девочка хандрила, замыкалась в себе и была очень далеко от меня. Кажется, четвертая стадия – депрессия, накрыла ее с головой. Я всячески пытался не дать ей погрузиться в это состояние. Правда, делал это, как умел. Наши словесные поединки не перерастали в рукопашную лишь по одной причине – отсутствию полнолуния. Признаться, я все время искал место в комнате, куда спрячусь, как только смогу двигаться. Нет, за себя я не боялся, сил у меня предостаточно. Я переживал, что девочка наделает глупостей и будет наказана. Я этого не хотел. Не хотел, чтобы ее переселяли. Не хотел, чтобы она оказалась в другом доме, далеко от меня. Но общаться с ней, не провоцируя ее, было практически невозможно. Она зажигалась сама, даже от самой безобидной фразы, и поджигала меня. Мы «обменивались любезностями» так, что воздух вокруг нас начинал искриться от напряжения, за малым не взрываясь. Одним словом, нам было не скучно. Но Джона явно не хватало.

– Да-а-а, друг, – протянул я, – досталось тебе. Мы уж думали, что больше не увидим тебя.

– Не дождетесь, – весело отозвался он. – Лия, полнолуние завтра. Молись, чтобы тучи разошлись. А ты, Том, молись, чтобы НЕ разошлись, иначе наполнителя в тебе поубавится, – мы дружно захохотали.

Даже зайка! Я впервые слышал ее смех. Высокий, как перезвон сотни маленьких колокольчиков. И заразительный. Слушая его, хотелось улыбаться.

– Ты... смеешься! – ответил я на ее вопросительный взгляд.

– Кхм... Тебе показалось, – она моментально подобралась и вновь отгородилась от меня призрачной стеной.

Еще несколько секунд назад мне казалось, что эта стена опасно наклонилась, готовая вот-вот упасть. Но Лия вовремя выставила подпорку. Ничего! Раз эта фифа умеет смеяться, значит, не все потеряно. Теперь, с этим знанием, я горы сверну, но заставлю эту «плюшевую занозу в моей многострадальной заднице» сменить гнев на милость.

– Лия, – я осторожно позвал ее. – Эй, я не хотел тебя обидеть. Просто... просто ты ни разу даже не улыбнулась за эту неделю. А тут смех. Эй, Лия. – Тишина. – Интересно, а в лунном свете ты сможешь вилять хвостиком? – мне нужно было вывести ее на эмоции, чтобы она снова не ушла в себя.

– Я. Тебя. Убью!

– Детка, ты чертовски предсказуема. Придумай что-нибудь новенькое.

– Да пошел ты! Если хочешь знать, как только я смогу идти, мой пушистый хвостик, – это будет последнее, что ты увидишь, когда я выйду за дверь!

Джон насторожился.

– Ты что задумала? – серьезным тоном спросил он, вмиг растеряв остатки веселья.

– Уйти.

– Я же тебе говорил, что уйти мы не можем. Это карается «обнулением».

– А мне плевать! Пусть обнуляют. Пусть подселяют в другую игрушку. Неделей больше, неделей меньше – какая разница! Главное, подальше от этой медвежатины.

Похоже, запахло жареным. Такого поворота я не ожидал.

– Не глупи, девочка. После переподселения Ричард может показаться тебе сущим ангелом. Тем более, тебя в этом доме почти не трогают. А представь, что с тобой будет, если ты окажешься, скажем, в кукле, за которую будут драться сразу несколько сестер, и которые будут играть с тобой по очереди целый день, каждый день. Да ты взмолишься к концу первых суток! И это я тебе озвучил не самый плохой сценарий.

– Самый плохой сценарий – это сидеть между двух мохнатых ног и выслушивать как Этот упражняется в красноречии. Я даже не могу ему врезать по причинному месту! Молись, – это уже в мой адрес, – чтобы завтра на небе были тучи, потому что в противном случае памятный тебе спуск с лестницы покажется тебе безобидными покатушками с детской горки.

– Хорошо, что ты приняла правильное решение, – после некоторой паузы с явным облегчением сказал я.

– Я еще ничего не решила.

– Что мне сделать, чтобы ты осталась?

– Закрывать рот.

– С Джоном можно разговаривать?

– Если сможешь с закрытым ртом – валяй.

– Ладно. Молчу. Только не уходи.

– Я подумаю.

Остаток вечера мы все провели в тишине. Ни я, ни Джон не хотели, чтобы зайку наказали. Похоже, Лия тоже этого боялась, подсознательно. Но упрямство – вещь противная. А у девочки его было с избытком.

В десять часов Ричард уже лежал в своей кровати, а Джесс гладила его по волосам и пела колыбельную. По окну поползли первые змейки начинающегося дождя, вдалеке вновь громыхнуло, и комнату озарила вспышка света. Мальш испуганно посмотрел на маму.

– Не бойся, милый, я рядом. Это просто гроза. К утру она пройдет. Закрывай глазки и спи. Я тебя люблю, – она поцеловала мальчика в лоб, поправила одеяло и вновь запела.

Слова полились по комнате, окутывая теплом и заботой. И, пребывая в этом, давно позабытом мной, состоянии умиротворения, я окончательно понял, что ни за что никуда не отпущу свою плюшевую занозу.

Хм... с.в.о.ю. – буквы перекатывались на языке, – свою...

По-моему, Том, пора себе кое в чем признаться...

ГЛАВА 5

Воскресное утро выдалось дождливым и прохладным. Когда за окном такая погода, просыпаться не хочется от слова совсем.

Я все еще приходил в себя от осознания, что зайка стала для меня чем-то большим, нежели просто подружка по несчастью.

– Ох, и погодка, – пожаловался Джон, когда Ричард ушел завтракать. – Доброе утро, ребята!

– Ме мома хахахи? – промычал я, отчего Лия непонимающе уставилась на меня.

– Че-го?

– Ме мома хахахи?

– Кажется, он хочет что-то сказать, – пояснил солдат.

– Так пусть говорит! Кто ему мешает?

– Можно? – поинтересовался я с опаской. – Просто ты вчера...

– Ой, не нагнетай, а? Мало ли что я вчера сказала! – Ох, уж эти женщины!

– Хорошо. Доброе утро всем!

– Если оно вообще доброе, – пробурчала зайка.

– Что на этот раз? – это спросил Джон. Я вообще опасался с ней говорить, по меньшей мере, до полнолуния.

– А что, не видно?

Мы с воякой недоуменно переглянулись и уставились на Лию.

– Блин! Я застряла в этой долбанной игрушке в этом долбанном доме неизвестно зачем и на сколько, а вы хотите сказать, что все в порядке?! Серьезно? Где моя жизнь? Где мои друзья? Я хочу домой, путешествовать, гулять, тусоваться. У меня, между прочим, тур на Гоа забронирован был на август! И куда теперь, скажите, мне надеть новый купальник за две тысячи долларов? Черт, да он же там остался, а я – тут! Кому его теперь отдадут? Кэтрин? У нее сиськи маленькие! И черный цвет под ее смуглую кожу будет вообще «фу»! – девочку понесло.

– Лия? Лия? Лия, мать твою!! – заорал Джон. – Соберись! Не ты одна застряла тут на неопределенный срок. Этот срок зависит только от тебя. Как только ты поймешь, что делала не так в прошлой жизни, тебе разрешат родиться заново человеком. Той жизни больше нет, что бы ты ни делала. А мы с Томом не подписывались слушать твои истерики, и уж тем более, в мои планы не входило подрабатывать твоим личным психологом. У меня, знаешь ли, своих проблем достаточно. Ты здесь всего неделю, а я полгода. И в отличие от тебя, меня тут уже все «заиграло»!

Зайка всхлипнула.

Мне ее было жаль. Бедная, потерянная девочка, привыкшая, что все в жизни происходит так, как она хочет. Еще жальче ее было потому, что даже в такой нестандартной ситуации она по-прежнему переживала за шмотки и о том, что не сможет тусоваться. Я искренне надеялся, что она изменится, что на это не уйдут годы и что она найдет возможность взглянуть на себя со стороны.

Джона тоже можно было понять. Он был тут «старожилом», при нем исправилась и отправилась в новую жизнь как минимум одна душа. Его всего переломало-переклеило, он попадал в игры Ричарда почти каждый день, но терпел. И верил в избавление. А тут мы с Лией как снег на голову! Мало того, что она истерит не по-детски, так еще и эти наши перепалки... Ладно, словесная война, возможно, даже веселит нашего друга, но вот все остальное... Я бы на его месте тоже орал. И это он еще умудрялся говорить без бранных слов!

– То есть, если я стану обычной, серой мышью и запихну свое мнение в... кхм... то меня «простят»?

– Нет, девочка. Если ты перестанешь задирать нос, строить из себя супер-важную персону, требовать к себе повышенного внимания и готовности тебе услужить, если ты перестанешь зацикливаться на вещах и станешь больше думать о чувствах, желательно, не только своих, если научишься быть благодарной и не цепляться к словам – вот тогда тебя «простят». Придется потрудиться, хотя трудиться ты явно не привыкла. Вот так нас и ломают. Через колено. Хочешь – живи, как жил, будь, кем был, но терпи все эти «игры», не хочешь – будь добр, меняйся в лучшую сторону и будет тебе счастье. У меня все.

Лия молчала. Как-то очень тяжело молчала. Драматизма в эту ситуацию добавлял хлынувший с новой силой дождь. Я же думал о том, что все, что сказал Джон, относится и ко мне. Мне тоже нужно научиться думать о других, принимать их выбор и их мнение, научиться прощать, улыбаться просто так, от души, попытаться проявить заботу и внимание, выслушать, утешить. Придумать, как будет лучше для всех, а не только для меня. Почувствовать, каково это – быть человеком, который стоит напротив меня, каково ему слушать то, что я говорю, понять, какие чувства у него вызывает то или иное мое действие или бездействие. Я же ничего этого при жизни не делал! У меня было правило: «Бьют – бей в ответ. Не бьют – бей первым». Неужели это был я? Джон умел открывать глаза на правду. Даже таким незрячим, как мы с Лией. Может, поэтому меня так тянуло к ней. В каком-то смысле мы – родственные души. Два законченных эгоиста, хотя и дошли до этого разными путями.

Злой солдат, заяц с потухшим взглядом и медведь а-ля «ушел в себя, вернусь не скоро» – должно быть, со стороны наша компания выглядела весьма интригующе. Вот только на душе скребли кошки. И их, этих кошек, никак не удавалось оттуда выгнать.

* * *

Ричард возился с конструктором и игрушечной дорогой, строя город. Небоскребы занимали свои места по обеим сторонам автотрассы, домики поменьше ютились между ними. Рядом с самым высоким зданием стоял припаркованный джип. В ход пошли кубики – из них строились мосты и арки.

Мы следили за мальчиком, гадая: пронесет или нет?

На пороге детской бесшумно возникла мама:

– Сынок, дождик закончился. Может, ходим в парк?

– Хорошо, мамочка, – малыш достроил еще одну многоэтажку, поставил ее в центре своего игрушечного города и повернулся к маме. – А можно я возьму с собой мишку? Я обещал показать его Дэнни и Полу.

– Можно, – она мягко улыбнулась.

А вот мне что-то не улыбалось.

Малыш взял меня за шею и...

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать. Все ступени на месте! Мои пятки тоже. Их я ощущал особенно остро – они горели! Перехватив меня, и взяв за талию, видимо, чтобы не волочить по земле, Ричард шагнул на улицу. Свежий воздух ворвался в мои плюшевые легкие и от непривычки голова пошла кругом. Как же мне этого не хватало! По сути, мое новое место обитания было сродни тюрьме. Ни выйти, ни зайти, ни прогуляться. Вот только тюрьма была не вокруг, а внутри меня. Зато «пытки» в этой «исправительной колонии» были снаружи. И мой личный пятилетний надсмотрщик был ну о-о-о-чень изобретательным.

Район, в котором я теперь жил, был тихим и уютным. Небольшие однотипные домики, утопающие в зелени деревьев протянулись до самого горизонта, туда, где дорога шла в горку, сливаясь с небом. Мимо нас, поднимая брызги из небольших лужиц, то и дело проносились машины. Из дома, обшитого желтым сайдингом, доносилась зажигательная танцевальная

музыка, под которую прохожие всех возрастов, сами того не замечая, подстраивали свой шаг. Некоторые, не стесняясь, пританцовывали, а две парочки даже устроили баттл прямо посреди пешеходной дорожки.

Довольно скоро мы пришли в парк. Измученные затяжной жарой, сегодня люди спешили насладиться долгожданной прохладой и свежестью воскресного вечера. Джесс присела на скамейку, вытащила предусмотрительно захваченную с собой книгу, внимательно оглядела детскую площадку, задержав взгляд на паре мальчишек лет пяти и, отметив, что все в порядке, погрузилась в чтение. Меня же потащили туда, где среди разноцветных качелей и горок резвились дети.

– Дэнни, Пол, смотрите! Это мой мишка!

– Ух ты, какой большой!

– Подумаешь! У меня дома больше.

– Зато мне моего папа подарил! На день рождения.

– Ну и что? Я мне дядя. Зато мой сильнее твоего.

– А вот и нет!

– А вот и да!

– А вот и нет! Мой знаешь какой сильный!? Да он даже твоего дядю поборет!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– Ребята! – переключил внимание на себя тот, кто не был замешан в споре. – Ребята, а давайте лучше с горки покатаемся?

– Пойдем, – разом отозвались оба.

– Все равно мой лучше! – чуть помедлив, очень тихо и сердито добавил Ричард и последовал за друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.